

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДЕ МОСКОВСКИХ БУРЯТ

*Работа представлена Центром азиатских и тихоокеанских исследований
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Н. Л. Жуковская*

В статье рассматривается этноязыковая ситуация, характерная для московских бурят, анализируется состояние языка начиная с советского периода по настоящее время.

Ключевые слова: *московские буряты, бурятский язык, этничность, ассимиляционные процессы, самоидентификация.*

М. Banayeva

ETHNIC LANGUAGE SITUATION AMONG THE BURYATS IN MOSCOW

The ethnic language situation among the Buryats in Moscow is considered in the article. The language status is analysed from the Soviet time till today.

Key words: *Buryats of Moscow, Buryat language, ethnicity, assimilative processes, self-identification.*

Язык часто считают одним из основных факторов, способствующих сохранению этнической идентичности. Среди других этнокультурных факторов, нивелированных в условиях урбанизированного мегаполиса, язык является наиболее устойчивой этнической ценностью и индикатором этничности [4, с. 22].

Бурятский язык относится к монгольской ветви алтайской языковой семьи. Относительно этноязыковой ситуации в среде московских

бурят хочется отметить, что первые буряты-мигранты были билингвами и у многих доминировал бурятский язык, поскольку первичная социализация происходила на родном языке. Русским языком овладевали в школе. Среди московских бурят того периода наблюдается численное превосходство выходцев из Предбайкалья, где доминирующим был русский язык. Обязательным требованием для бурят, поступающих в московские вузы, было знание

русского языка, который был официальным государственным языком, на нем велось все делопроизводство и общение между гражданами страны. Сфера образования стала каналом, через который осуществлялась подготовка национальных кадров, а языком обучения был и остается русский язык. Хорошее знание русского языка значительно облегчало адаптацию к столичной среде. Некоторые буряты сознательно перестали использовать бурятский язык. Возможно, это надо рассматривать и как отголоски языковой политики советских времен, когда знание бурятского языка оценивалось как нечто непрестижное, необязательное. Как констатирует В. Алпатов, «за советский период сложилась определенная иерархия языков. Высшую позицию занимал русский язык, функционировавший по всей стране; в ряде сфер он был единственным (армия) или почти единственным (крупная промышленность, создание передовых технологий) средством общения» [1, с. 76]. Кроме этого, долгое проживание в полиэтничном мегаполисе приводило к тому, что русский язык постепенно стал вытеснять бурятский. Бурятский язык стал функционально вторым для среднего и старшего поколения, а младшее поколение им почти не владеет из-за отсутствия языковой среды, а следовательно, и потребности в использовании языка.

К сожалению, бурятского не знаю, кроме нескольких слов. Мои родители общались на языке только между собой. Да и между собой зачастую на русском разговаривали. Мы очень долго в коммунальной квартире прожили, почти 35 лет, а общаться на другом языке, тем более когда рядом люди других национальностей, некрасиво (ПМА: интервью с А., Москва, июнь 2007 г.).

Для рожденных и социализировавшихся в Москве бурят русский язык стал единственным языком общения. У многих родителей и их детей отсутствует мотивация к сохранению и использованию бурятского языка даже в приватной сфере. Среди вновь прибывших мигрантов хорошее знание бурятского языка демонстрируют люди старшего и среднего возраста, а также выходцы из сельской местности с моноэтничным населением. Бурятский

язык функционирует в приватной сфере, а также при общении со священнослужителями. Именно при общении с ламами многие буряты переходят на другой языковой код.

Когда к ламе прихожу, сразу переключаюсь на бурятский. Мама так приучила. Я даже представить себе не могу, чтобы с ламой на русском обсуждать свои проблемы. Только на своем родном языке я могу поведать самое сокровенное (ПМА: интервью с Л., 1974 г. р., Москва, июнь 2008 г.).

К сожалению, численность носителей языка сокращается.

Я не понимаю, зачем моему сыну в Москве нужен бурятский язык. Я сама знаю только разговорный, но и его не использую в беседе с соплеменниками. Везде, на работе, дома, общаемся только на русском. Пусть лучше английский изучает, он ему в жизни больше пригодится! Бурятский нужен только в Бурятии, а туда он не поедет! (ПМА: интервью с К., 1966 г.р., Москва, сентябрь 2007 г.).

Одновременно с этим необходимо отметить, что данная ситуация является не чем иным, как отражением этноязыковых процессов, происходящих в Бурятии и бывших округах. Бурятский язык в РБ наделен статусом одного из государственных языков. В 1992 г. был принят закон «О языках народов Республики Бурятия», но при этом функции государственного языка он выполняет формально, фактически функционально уступая русскому языку, который занимает доминирующее положение в обществе. Реализация закона о языках проходит неравномерно по отношению к обоим языкам. Государственные органы гарантируют юридическую и социально-экономическую поддержку, но фактически бурятский язык не реализуется во многих сферах, установленных законом о языке (делопроизводстве, судопроизводстве).

С 1970-х гг. одновременно с дальнейшим расширением бурятско-русского двуязычия (в 1970 г. около 67% бурят свободно владели русским языком, в 1979 г. – 72%) усиливается процесс сужения общественных функций бурятского языка, утраты «родного языка» бурятским населением. Именно в 1970-е гг.

приостановилось обучение детей в бурятских школах на родном языке. Недооценка значимости языка как национального достояния народа привела к тому, что выросло целое поколение бурят, не знающее родного языка. Если в 1959 г. русский язык в качестве родного назвали около 5% бурят, то в 1979 г. – 10%, в 1989 г. – 14%. Однако эти данные не в полной мере отражают особенности языковой ситуации. В действительности доля не владеющих бурятским языком людей значительно выше [3, с. 121]. Основную роль в признании бурятского языка родным играет этнопсихологический фактор; этническая самоидентификация происходит по формуле: я – бурят, значит, бурятский язык – родной язык. Язык в качестве «родного» в сознании многих бурят занимает прочную позицию, несмотря на то что языком своей национальности могут и не владеть.

Я родился в 1975 г. в Бохане, бурятский язык не изучал в школе. Дома только с бабушкой и дедушкой, с родителями реже. В детстве говорил, а сейчас забыл. Только понимаю! По-русски со всеми общаюсь. После школы поехал в Улан-Удэ, там поступил в пединститут. На втором курсе нам ввели бурятский язык, это был – кошмар! Знающие бурятский автоматически освобождались от зачета, а те, кто не знал, обязаны были посещать. Меня как незнающего обязали ходить. Не думал я, что он такой сложный! Сдал его только на четвертый раз, и то помогли. Девчонки с бурфака (факультет бурятской филологии) рядом экзамен сдавали. Раньше как-то не рефлексировал по поводу незнания языка. Не зря ведь частушка есть «Я в Улан-Удэ бывал, // кое-что я там видал, // там и русский и бурят // все по-русски говорят». В Москве мне тоже бурятский не нужен, на работе я им не пользуюсь. В общении со своими... тоже все по-русски говорят. Конечно, очень стыдно признаться, что свой родной язык не знаешь! Всем на работе говорю, что бурятский – мой родной язык, ведь здесь же не поймут, как так родного языка не знать! Но мне очень хочется, чтобы мои дети знали свой родной язык (ПМА: интервью с П., 1975 г. р., Москва, март 2008 г.).*

Анализируя высказывание респондента, можно сказать, что у московских бурят наблюдается тенденция к регенерации родного языка как основы этничности. Многие из опрошенных хотели бы изучать язык и считают необхо-

димым знание языка своими детьми. В Москве, где ассимиляция является реальной угрозой, значимость языка, как фактора сохранения этнической культуры, очень высока. В столице уже не первый год работают благодаря стараниям энтузиастов курсы бурятского языка. Большую роль в популяризации языка играет сайт бурятского народа (СБН). На форуме СБН действует раздел «Буряад Хөөрэлдөөн», в котором обсуждаются темы, такие как «Пропаганда терминологии на бурятском языке», «Русско-бурятский словарь новых слов» и т. д. Активисты сайта распространяют обучающий CD-диск «Электронный учебник бурятского языка», разработанный преподавателями БГУ Ж. Дымчиковой и Ж. Бадагаровым. Изучение языка начинает символизировать защиту культуры, традиций от влияния унифицированной городской среды. Курсы посещают как буряты, социализировавшиеся в столице, так и недавно приехавшие русскоязычные мигранты-буряты. Они пытаются восстановить язык и таким образом приблизиться к образу «настоящего» бурята. Признаки «настоящего» бурята в первую очередь идентифицируются со знанием бурятского языка. Сознательная установка на обучение «родному языку» при отсутствии возможности им пользоваться свидетельствует о том, что знание «родного языка» становится важным элементом этничности.

*Сама я – сартулка**, поэтому очень стеснялась говорить на бурятском; люди либо дразнить начинали, либо просили не разговаривать совсем, дескать, я не на бурятском говорю, а на монгольском. Только дома с родителями и бабушкой общалась. Ия заметила, что если в Улан-Удэ кто-нибудь и начинает на бурятском разговаривать, то на него чуть ли не с презрением смотрят – голова***! А в Москве совсем другое дело! Здесь более уважительно смотрят на людей, которые свободно говорят на языке, не засоряя [его] заимствованиями из русского. Именно в Москве я начала ценить красоту родного языка! Здесь совершенно не стесняюсь своего сартульского диалекта, потому что многие не то что его не знают, но и слабое представление о бурятском литературном языке имеют! Меня даже в компаниях просят, чтобы я что-нибудь сказала или пела на бурятском. У многих ведь здесь обостряется чувство тоски по Родине, а Родина – это дом, это Байкал, это наша бурятская культура, бурятская речь! (ПМА: интервью с Б., 1985 г. р., Москва, февраль 2008 г.).*

В целом, анализируя языковую ситуацию, можно сказать, что для одних бурят бурятский язык стал чем-то сакральным, у других произошла практически полная смена языковой идентичности, выраженная в переходе в поле русского языка и осознание последнего как родного. Русский язык стал средством не только межнационального, но и внутриэтнического общения. Не случайно по этому поводу существуют выражения «Тэрэш ородоороо шэбшэнэ» или «Тэрэш ород шэнгээр шэбшэнэ», которые можно перевести как «Он думает по-русски», «Он думает как русский». Однако такая характеристика человека не означает его выталкивания из общепурятской среды; он воспринимается как «обрусевший бурят».

В Москву приехала в 2005 г. В Улан-Удэ закончила БГУ, филологический факультет (русский язык и литература), работала там учителем в школе. Приехав, не сразу нашла работу, то в одной фирме, то в другой. В итоге все равно в школу вернулась – поняла, что лучше ничего делать не умею. Забавно было на первом занятии, когда, не успев войти в класс, я уже услышала: «А она русский-то знает? Будем китайский изучать!» А ученики младших классов спрашивали: «Где

Вы так хорошо выучили русский язык, что даже преподаете?», на что я ответила: «Если я смогла русский язык выучить, то вы им овладеете в совершенстве!» И как же им скажу, что русский для меня такой же родной, как и для них. Я люблю русский язык, русские песни, мне близка русская культура. По духу я – русская! Бурятский знаю только на уровне нескольких слов. Общаюсь здесь со всеми на русском, и даже с бурятами. Все буряты очень хорошо владеют русским, а многие даже лучше, чем сами русские (ПМА: интервью с И., 1972 г. р., Москва, сентябрь 2007 г.).

Человек признает себя и признается окружающими в качестве члена этнической группы вне зависимости от уровня языковой компетенции. Языковая ассимиляция не всегда приводит к культурному растворению этнической группы. По мнению Э.-Б. Гучиновой, язык не всегда определяющий фактор самосознания, какими являются расовая и религиозная идентичности, играющие в доминирующем обществе этноопределяющую роль [2, с. 93], что вполне справедливо для московских бурят, для собственной самоидентификации которых стали важными другие компоненты, такие как религия, традиции, кулинарные пристрастия, общий этноним, антропологическое своеобразие и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Районный центр в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе.

***Сартулы* – малоизученная особая этнографическая группа бурят. Районом их компактного проживания являются села Верхний и Нижний Ичетуй, Торей, Цагатуй, Алцаг Джидинского района РБ.

****Головар* (жаргонизм) – выходец из деревни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпатов В. М.* Языковая политика в России и Франции // *Диаспоры*. 2003. № 1. С. 68–86.
2. *Гучинова Э.-Б.* Постсоветская Элиста: власть, бизнес, красота // *Очерки социально-культурной антропологии калмыков*. СПб., 2003. С. 3–196.
3. *Нимаев Д. Д.* Монгольязычные народы: этническая история и современные этнокультурные процессы: учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. гос. ун-та, 2007. С. 3–146.
4. *Хабенская Е. О.* Татары о татарском. М.: Наталис, 2003.

REFERENCES

1. *Alpatov V. M.* Yazykovaya politika v Rossii i Frantsii // *Diaspory*. 2003. N 1. S. 68–86.
2. *Guchinova E.-B.* Postsovetskaya Elista: vlast', biznes, krasota // *Ocherki sotsial'no-kul'turnoy antropologii kalmykov*. SPb., 2003. S. 3–196.
3. *Nimayev D. D.* Mongoloyazychnye narody: etnicheskaya istoriya i sovremennye etnokul'turnye protsessy: ucheb. posobiye. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatsk. gos. un-ta, 2007. S. 3–146.
4. *Khabenskaya E. O.* Tatarsy o tatarskom. M.: Natalis, 2003.